

По herz`у

«Нет невежества, нет избавления от него.

Пути нет, нет познания, также нет достижения,

так как нечего достигать»

Кем-то понятая какая-то сутра

май 2017 - март 2018

- Ваше имя?

- Демиан Ург, - прозвучал спокойный и уверенный ответ, а после короткой паузы игривое дополнение. – Можно просто Деми.

Он с нескрываемым любопытством рассматривал кабинет, вальяжно и даже слишком непринуждённо раскинувшись в гостевом кресле и вертя головой. Его внимание привлекли картины, висевшие на стенах – по одной на каждой, а было их, как ни странно, пять. Кабинет имел форму вытянутого пятиугольника. Демиан представил, что на чертежах в технической документации он напоминал домик, нарисованный дошколёнком. Картины больше напоминали живые обои. Это не были мёртвые, застывшие во времени и на холсте каракули. В четырёх изящных белых рамках сами по себе существовали разные силы природы – всем известный квартет стихий. В одной, чуть потрескивая, неуёмно плясало пламя; в другой (что напротив) – откуда-то сверху и неизвестно куда вниз (но всё в границах рамки), едва журча, текла вода; в третьей – из кома земли росла, увядала, умирала и вновь росла трава; а в четвёртой – посвистывая, носились ветра. Последние две картины украшали смежные стены, сходящиеся друг с другом острым углом, образуя крышу того самого условного домика дошкольника. В обеих стенах были двери. Демиан вошёл сюда через ту, что была рядом с картиной земли. Что было за другой, он не знал.

- Прежде чем встретиться с хозяином, вы должны успешно пройти небольшое собеседование. Так что давайте сосредоточимся.

Слова звучали мягко, но с очевидной настойчивостью. Демиан быстро скомкал свои размышления, зашвырнул их в дальний угол своего подсознания и обернулся.

- Прошу прощения. Конечно... - уступчиво протянул он, ища глазами бейджик собеседницы. – Серафима. Так?

Девушка кивнула. На вид она была ещё подростком, раза в два моложе Демиана. Белокурая, с длинными, достающими до поясницы, вьющимися волосами и утончёнными изящными линиями всего тела. «Если в детстве она была пухленькой, как и все малыши, могла бы на утренниках изображать Амурчика» - подумал Демиан, зачарованно глядя на неё. Однако особа эта была не из тех, с кем хотелось сюсюкаться. Юность казалась обманчивой, стоило заглянуть ей в глаза.

Не старые (вокруг ни морщинки), не уставшие и не потускневшие, но бесконечно глубокие и переполненные. Годами, опытом, мудростью. Глаза не то чтобы взрослого человека... Скорее, вообще не человека.

- Зачем это собеседование, эта фикция проверки и знакомства, если вы и так про меня всё знаете? – Демиан решил экстерном проскочить нелепую, как ему казалось, формальность.

- Мы-то про вас всё знаем. Но знаете ли про себя вы? – ответила Серафима настолько увесисто, что Демиану не захотелось препираться.

Серафима деловито раскрыла какую-то тоненькую папку и ненадолго погрузилась в чтение. Демиан понял, что это его личное дело, и огорчился тому, сколь скромных оно размеров. Ожидая следующего анкетного вопроса, он заглянул собеседнице за спину. На стене прямо позади неё висела пятая картина – пустая рамочка. «Концептуально, - признал Демиан. – Но не до конца понятно». Признавшись себе, что пустоту до конца понять невозможно в принципе, он сфокусировался на столе своей визави. В центре на самом краю столешницы золотистого цвета стояла табличка с надписью «Руководитель SR-отдела Серафима».

- А SR – это что? – не выдумав ответа, решил уточнить Демиан.

- Soul resource. Наподобие вашего Human Resource, только Soul, - не отрываясь от записей, ответила Серафима.

- А я, дурак, думал, это что-то с сексом связанное. Ну, или с секретами, на худой конец...

Ледяной взгляд Серафимы был доходчивее самых горячих и эмоциональных комментариев, от которых она воздержалась, ограничившись простым:

- Так. Приступим. Расскажите немного о себе, Демиан.

- Да вы шутите?! Мне рассказывать всю жизнь, которую вы лучше меня знаете?

- Я всего лишь хочу понять, что значимо для вас, и что вы выделите.

- Хм. Ладно. Начну с того, что я, скорее, человек слова, нежели дела. Это не значит, что не отвечаю за слова или что я бездельник. Просто кто-то думает, прежде чем сделать. Кто-то делает, прежде чем подумать. Кто-то и вовсе просто делает. А я больше всего думаю. В какой-нибудь Древней Греции меня бы назвали

философом или теоретиком. А у нас по должностной инструкции я назывался криэйтором.

- То есть, по сути, вы человек искусства.

- Нет! Точно нет. Я человек творчества, что и явствует из названия должности. Слова так несправедливо недооценены. Они – клад, скрытый не от глаз, как обычно, а от ушей. Ну, и иногда от умов. Искусство, очевидно, – это что-то искусственное, надуманное, словно вторичное по отношению к реальности. Это ремесло создания объектов *искусства* из собственных умений, знаний и навыков. Я же творю из ничего, из чистой энергии воображения и вдохновения. Я не умею ни петь, ни рисовать, ни писать, но делаю это. И делаю хорошо, потому что искренне. Вот в чём отличие гениальности от посредственности. Творчества от ремесла.

- Значит, ваша характеристика одним словом – тщеславие? – уточнила Серафима, собираясь делать пометки.

- А где проходит тонкая грань между славностью и тщеславностью? Субъективностью и объективностью? – уклончиво ответил Демиан.

- Вижу, слово, действительно, ваш излюбленный инструмент. Но вам не втянуть меня в демагогию. Продолжим. Как вы смотрите на жизнь?

- Вы хотите сказать «смотрел»? По мне, жизнь – это бескрайняя река, шумно несущаяся в упорно непостижимый океан. И говно в ней не тонет. Так что, если вокруг полно дерьма, значит, я ещё наплаву.

Серафима не делала никаких пометок в бумагах, лишь прищуривалась, словно задумывалась, а слова сами собой проявлялись в анкете перед нею.

- Какой интуитивно-непонятный интерфейс, - заметил Демиан.

Серафима проигнорировала его каламбур.

- Ваш опыт работы?

- Полжизни профессионально занимаюсь выдумыванием и «творением». Как стукнуло совершеннолетие, начал выдумывать бизнес. Разработал прекрасную концепцию бара для веганов «Кабачок». Пока, довольный, вынашивал эту задумку, чем-то подобным разродился кто-то другой. Плюнул. Создал новый проект. Тогда на пике популярности была духовность и сатвичность. Появилось много тех, кто питался праной. Или пытался. Или делал вид. Мне всё равно. Я лишь просёк эту тему и организовал праноедческое кафе. Невероятная этническая атмосфера,

благовония, мантры из колонок и самая питательная прана в округе – главная услуга и фишечка заведения. Чистота и питательность её гарантировал лучший медитатор города, эдакий шеф-повар, который в течение дня практиковал, когда поступали заказы. Честно сказать, я просто прикололся, но троллинг сработал. Спрос и резонанс были впечатляющими. Правда, недолго. Видать, вымерли праноеды. Потом была идея недорогого спорт-кафе для мужиков в больших торговых центрах. Типа: «Посиди, пока жена бегаёт». Пока собирался с духом что-то начать делать, опять кто-то открыл что-то похожее. Словно мы у одного информационного пруда рыбачили. Только я рыбу глазами ловил, а тот, другой, удочкой. Короче, решил я, что должен не делать, а думать. А делают пускай другие. На то ведь и придумали – общественное разделение труда. Уехал в другой город, пристроился в креативный отдел небольшой компании. Быстро нахватался навыков, многое понял – и понёсся вверх по карьерному эскалатору. К 27 по аутсорсингу разрабатывал самые громкие и успешные проекты для самых известных и богатых корпораций мира.

- Ваше портфолио? - сухо попросила Серафима. – Можно на словах, без справок, документов и договоров.

- Больше всего я горжусь концепцией киностудии, которая занималась записью снов. Как только я смекнул, что наука вот-вот освоит эту технологию, я нашёл несколько профессиональных ОСеров – тех, кто практикует осознанные сны – и продал им нехитрую идею. Это был революционный прорыв! Парни делали действительно уникальный и потрясающий контент. И я стоял у истоков этого жанра. Ещё одна моя крутейшая новация – туризм по прошлым жизням. Одна моя подруга могла отправлять в такие трансцендентные путешествия. Я помог ей открыть турагентство. Из сектантства и подозрительного оккультизма я быстро превратил такую практику в крышесносный мейнстрим. Мне даже кажется теперь, что духовность многих – моя заслуга. Люди эмпирически убедились в том, о чём, возможно, не ведали даже теоретически. Ну и похвастаюсь вот ещё чем. Была у меня концепция радио ДжаFM: укуренные ведущие в прямом эфире развлекают укуренных слушателей, все дружно торчат со светлого и солнечного регги. Никак не мог запустить этот проект в России. В итоге продал его на Ямайку. Там ДжаFM, по понятным причинам, возымело просто бомбический успех.

- Достаточно, - прервала Серафима. – С фантазией у вас полный порядок. Чего не скажешь об эрудиции. По имеющимся у меня данным, как-то под ДжаFM, или как вы говорите, «укуренным», вы разработали философскую теорию,

которая, как потом выяснилось, оказалась восточным учением Дзен. О нём вы даже ничего не слышали.

Демиан на секунду недоволен и даже обиженно поджал губы, потом улыбнулся и поспешил оправдаться:

- Я же говорю: у меня хорошая связь с единым информационным прудом, то есть полем. Вот, видать, подключился на незнакомую волну по незащищённому каналу – принял за озарение. Но ведь повторённое незлоумышленно сворованным не считается. Да и лишние знания приносят тяжесть, а мудрость – это лёгкость.

Серафима вновь прищурилась, заполняя анкету. Демиан, воспользовавшись паузой, продолжил изучать чудной кабинет. Из мебели, кроме рабочего стола и пары кресел, здесь ничего не было. Поэтому чрезмерно большое помещение казалось пустующим и необжитым. Однако за счёт цветового решения (всё было стерильно белоснежным) пустота не давила, как случается, не была неудобной. Напротив, это была лёгкая и светлая пустота горных вершин или подоблачных просторов, где воздух всегда чист и свеж. Так что долго и созерцательно изучать здесь было нечего. Долше всего Демиан пялился на фонарь под потолком – единственный источник света в кабинете, лишённом окон. Всего одна лампочка буквально распирала помещение удивительно ярким светом, который как раз таки занимал все неудобные пустоты. Привыкнув к слепящему свету, Демиан присмотрелся: в лампочке не было ни спирали накаливания, ни светодиодов. В ней подрагивали искорки, похожие на звёздочки. Они пульсировали и, как облака принимают причудливые формы, походя на что-то знакомое, по силуэту напоминали то лошадь, то кентавра.

- Вы были не очень-то религиозным человеком. Как вы восприняли собственную смерть?

- Смирённо. А разве у меня были варианты? – усмехнулся Демиан. – Я ещё в студенчестве переосмыслил отношение к смерти, когда с родителями ходил в морг на опознание родственницы. До сих пор не уразумею, на кой чёрт они меня туда потащили. Но этот маленький поход оказался большим духовным путешествием, обернувшимся глубоким инсайтом. Я думал, в морге всё, как в кино: пусто, тихо, чисто, а тела спрятаны в специальных полках-холодильниках. На деле же оказалось, что там несносно воняет, везде кровь, и тела, как попало свалённые в кучу, покоятся, если это можно так назвать, прямо в коридорах на каталках.

Голос Демиана звучал глубоко и проникновенно, словно, надрываясь, продирался наружу из самого сердца. Серафима почти незаметно брезгливо поморщилась. Но не прервала рассказ.

- С телами обращались не как с людьми, пускай и мёртвыми, а как с бездушными предметами. Хотя «бездушный» в таком контексте звучит нелепо. Их, не церемонясь, перетаскивали, кидали, резали и кромсали, потом вываливали изученный органокомплекс в изувеченную полость тела и халтурно зашивали. Глядя на это, я кое-что осознал. Эти тела *действительно* отличались от нас, живых. Даже не как ночь отличается ото дня или тень от света. Нет! Они были совсем другими. Раньше в них, как и во мне, горел огонь жизни, текла энергия, теплились, вспыхивая и угасая, разные чувства. Сейчас это была просто материя, какая-то масса, напоминавшая человека. Тогда я понял: не может живого от мёртвого отличать лишь совокупность биологических процессов, дыхание, метаболизм и прочая химия. Это явно не всё отличие. Очевидно, что до смерти в нашем биомеханизме должно быть что-то, что наполняет нас теплом, жизнью. То самое, отсутствие чего бросилось мне в глаза. Я решил, что это душа. Что живой человек – это не просто груда молекул, а душа. Ведь после смерти молекулы в каком-то смысле остались те же. А вот душа улетучилась.

После неловко затянувшейся паузы Серафима уточнила:

- Однако это озарение не добавило вам религиозности?

- Нет. И я объясню почему. Религиозность – это воцерквлённость и вера в связь с Богом через церковь. Я же, скорее, обладал духовностью. То есть непосредственной связью с Богом, которого я не персонифицировал и не представлял чем-то внешним. Но, признаться, я никогда не обременялся подобными вопросами.

- И почему же? Ведь это фундаментальный вопрос любого мыслящего человека.

- Это вопрос, на который не каждый хочет знать ответ. На самом деле, люди намного больше боятся того, что Бог есть, чем того, что его нет.

Серафима недоумевающе приподняла одну бровь. Демиан продолжал:

- Примерно так же мы боимся воплощения в жизнь своих мечт. Мечтать прыгнуть с парашютом и реально нырнуть в воздушный океан – это две большие разницы. Полёт может оказаться совсем не таким, каким мы его воображали.

Поэтому я не воображал, а просто инкрустировал в свои сердце и душу аксиому, выведенную мною в морге.

- Но вот вы здесь, и скоро встретитесь с Богом. Не переживаете, что всю жизнь не готовились к этой встрече.

- Ну, судя по вашим словам, я и без подготовки пока успешно справляюсь с собеседованием, - отшутился Демиан. – А если серьёзно, в том-то и штука. Религиозный человек, встретив не того Бога, которого он себе представлял, будет обескуражен и растерян. А духовный человек не представлял себе Бога, не сотворял себе кумира, потому его ничем не удивить.

Серафима вновь внесла какие-то заметки в анкету. Ненадолго задумалась, определяясь с дальнейшим развитием беседы. Пронзительно взглянула Демиану в глаза, словно вбуравливаясь в самую его суть, проникая во всё недосказанное и потаённое. А затем произнесла:

- И последний вопрос. Пожалуй, самый главный. От ответа на него зависит не столько наше решение, сколько ваше, - говорила она так серьёзно, что Демиан невольно съёжился и заёрзал в кресле. – Вас связывает что-то с прошлой жизнью и миром людей?

- Фух... - Демиан демонстративно облегчённо выдохнул. – Я-то думал, будет традиционный для собеседований вопрос о вредных привычках или видении себя на будущей должности, отвечая на который, все традиционно бесстыдно врут. А тут...

- Ответ, - холодно осекла Серафима.

- Кто-то беспамятно, буквально слепо влюблён в этот мир. Кто-то ненавидит его. Однако и те и другие цепляются за жизнь и её проявления. Первые прикипают к тьме вещей и пытаются всё законсервировать, вторые натужно тщатся изменить этот мир. А я... Я хочу изменить этому миру с другим.

Серафима одобрительно кивнула, закрыла папку, будто вспорхнув, встала и легко, как невесомый бесплотный дух, выплыла из-за стола. Демиан учтиво, следуя заветам земного этикета, встал вслед за дамой. Хотя этикет здесь вполне закономерно мог быть неземным в прямом смысле слова. Да и Серафиму лишь условно можно было назвать дамой.

Демиан уверенно направился к двери, через которую вошёл сюда. Той самой, рядом с картиной земли.

- Нам сюда, - окликнула Серафима.

Увидев, что она ждёт у отворённой двери напротив, Демиан неловко и комично засуетился, меняя курс, как будто подвисший навигатор, прокладывающий новый маршрут.

- А! – протянул он. – Закрылись старые двери, открылись новые?

*

За новой дверью оказался длинный коридор, похожий на типичный гостиничный. В меру уютный, оформленный в тёплых красно-коричневых тонах и освещённый тускловатыми светильниками, пахнущий как-то казённо. Запаху этому трудно подобрать другое определение, но и спутать с другим ароматом его невозможно. Коридор с бессчётным множеством дверей по обеим сторонам уходил так далеко, что в какой-то момент превращался в чёрную точку.

- И где же пресловутый свет в конце тоннеля? – притворно-раздосадовано спросил Демиан.

- То есть, отсутствие тоннеля не смущает? – неожиданно поддержала шутку Серафима.

Они сделали всего несколько шагов. Демиан оглянулся, надеясь глубже прочувствовать момент прощания с прошлой жизнью. Но сентиментальный настрой вмиг смыла волна удивления, после которой, как цунами, накрыл ужас. Позади уже не было той самой «новой двери». Был лишь бесконечный коридор, так же, как и спереди, превращающийся в чёрную точку. Пространство вокруг существовало само по себе. Демиана сковал животный страх. Коридор показался ему живым, враждебным и коварным. Ему почудилось, будто он попал во чрево могильного червя, а симметрично расположенные двери номеров вообразились кольцами этого червя, который вот-вот переварит его, Демиана, а заодно и Серафиму. Всё, и внутри, и снаружи, помутнело и потускнело, словно кто-то убрал яркость на минимум, но одновременно стало кристально ясно – бежать некуда. Коридор оказался самым жутким лабиринтом: без переходов, поворотов в тупик и прочих хитростей. Простым и непреодолимым. Демиан понял, что можно бесконечно бежать хоть вперёд, хоть назад, выбиться из сил, но никуда не попасть. От этой мысли подкосились колени. Неглубокий испуганный вдох ледяным комочком провалился к солнечному сплетению, свернулся там холодным колючим ежом и начал больно покалывать. Демиану неудержимо захотелось схватить Серафиму за руку, прижаться к ней и ни за что не отпускать, пока она не выведет его из этого

зловещего места. Дрожа, он потянулся к её ладони, и, когда уже почти вцепился в неё похолодевшими и взмокшими от страха пальцами, рука Серафимы дрогнула, увернулась и унеслась в сторону. Мгновение Демиан силился не разрыдаться. Он уже почти захлебнулся переполнившим его отчаянием, как вдруг услышал голос Серафимы. Он прозвучал как-то глухо, с трудом пробившись через яростную пульсацию крови в голове. Но даже она не смогла заглушить успокаивающие, нежные нотки в короткой фразе:

- Ну, вот и всё. Мы пришли, - рукой, к которой только что тянулся Демиан, она указывала на дверь под номером 101.

В одночасье страх отпустил. Коридор перестал извиваться голодным червём, с глаз спала слепящая тёмная пелена, сознание вновь прояснилось. Демиан помотал головой из стороны в сторону, стряхивая остатки видения, и с силой выдохнул, переводя дух.

- До встречи с Богом разместитесь в этом номере. Там к вашему удовольствию будет всё, что пожелаете. Вам останется только отчётливо представить это. Номер двухместный, поэтому не исключено, что к вам кто-нибудь подселится. Как только аудиенция будет согласована, я зайду за вами. Приятного безвременья!

Она отворила дверь и направилась обратно по коридору. Демиан заглянул в номер. За порогом не было вообще ничего, только вакуум, больше похожий на космическую пустоту. Демиан хотел окликнуть Серафиму, но её уже не было – непостижимо исчезла. К счастью для него, непостижимость эта уже переставала пугать. Очевидно, что здесь она обыденна и вполне естественна. Просто пока что не для него.

Демиан потоптался на месте, ожидая, что что-нибудь произойдёт само собой. Заглянул за дверь – ничего не изменилось. Тогда он понял, что должен по своему желанию представить и сотворить даже апартаменты номера. Закрыв глаза и не особо стараясь, он вообразил простенькую светлую комнатку. Немного подумав и решив, что потенциальный сожитель может не догадаться, он разместил в номере две большие удобные кровати.

- Остальное буду обустраивать походя. Ведь и Москва не сразу строилась. А небесная гостиница подавно, - рассудил Демиан вслух.